

УДК 378

СТРАХ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Касторский Г.Л.

*Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии*

FEAR IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR

Kastorsky G. L.

*St. Petersburg V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy***Аннотация**

В статье представлены позитивные и криминогенные свойства фактора устрашения в причинном комплексе современной преступности с различных точек зрения представителей наук уголовно-правового цикла, социологии и психологии.

Ключевые слова: безопасность, кризис, манипулирование, мировоззрение, профилактика, реклама, терроризм, тревожность, угрозы, устрашение.

Abstract

The article presents the positive and criminogenic properties of the intimidation factor in the causal complex of modern crime from various points of view of representatives of the sciences of the criminal law cycle, sociology and psychology.

Keywords: security, crisis, manipulation, worldview, prevention, reclama, terrorism, anxiety, threats, intimidation.

Ссылка для цитирования: Касторский Г.Л. Страх в механизме преступного поведения // Бюллетень инновационных технологий. – 2026. – Т. 10. – № 1 (37). – С. 58-63. – EDN SRHIII.

В причинном комплексе преступности страх может быть условием совершения преступления, когда используется для реализации криминальных идей, либо причиной преступного поведения в случаях, если побуждает кого-либо совершить уголовно-наказуемое деяние. Уровневый подход к характеристике названного комплекса позволяет классифицировать страхи в зависимости от их распространённости, но без учёта особенностей, определяющих направленность умысла на конкретный вид общественно опасного деяния.

На международном уровне обострение взаимоотношений между отдельными государствами или их коалициями вызывают обоснованную тревогу населения и правительств в предвкушении вооружённого конфликта. Исторический опыт показывает, насколько губительные последствия влекут за собой военные столкновения. Страх может спровоцировать упреждающие действия и даже неоправданную агрессию одной из сторон нарастающего межгосударственного конфликта. Осложнение экономических отношений может повлечь политические и экономические санкции, ухудшающие материальное положение населения обеих сторон. Падение уровня жизни вызывает страх перед бедностью и побуждает всё большее число людей к совершению имущественных преступлений как средства выживания.

В ряде случаев, опасения и тревоги, которые становятся навязчивыми, влияют на поведение человека, в том числе, криминальное. В обществе потребления, сформированном посредством рекламы, обыватель боится стать исключённым, поэтому приобретает предметы респектабельности: дорогие автомобили и мобильные устройства. Данное стремление к престижности вызывает необходимость обременять свою жизнь кредитами и создаёт риск вовлечения должника в общественно опасное поведение.

Нарастание избыточного спроса действительно создаёт сначала локальные кризисные ситуации, а затем – всё более глобальные. Падение ценности национальной валюты повышает спрос на более твёрдые иностранные валюты. По логике вещей, спрос должен влиять на цену товара, а не наоборот. Отсутствие логики в массовом сознании усиливает психологию страха. Паника опасна не только в окопах.

У маркетологов и рекламистов популярными средствами убеждения потребителя являются страх, провокационные и сексуально скандальные сюжеты, проникающие в скрытые глубины человеческой психики. Одним из мощных инструментов в руках манипуляторов является использование потаённых сексуальных желаний и фантазий. Для того, чтобы люди приобретали множество разнообразных, и далеко не всегда

необходимых товаров, используется тактика запугивания [1, с. 202-218, 272-277].

Являясь индикатором человеческих противоречий, страх рождает те ощущения, которые провоцируют конфликты и правонарушения. Состояние страха является благодатной почвой для появления неприязни, недоверия, духа соперничества в стремлении упредить реальные и мнимые угрозы. «Культура страха, говоря коротко, – это культура, уничтожающая доверие» [2, с. 177].

На национальном общесоциальном уровне мерами законодательского характера нагнетается страх населения перед вновь вводимыми ограничениями и санкциями, вынуждающими менять привычный образ жизни и приспосабливаться к изменениям, в том числе, противоправным путём, поскольку прежние привычные варианты оказываются вне закона. Инфляционные процессы и сокращение занятости у значительных слоёв населения вызывают страх перед бедностью и материальные проблемы, сокращающие число законопослушных граждан, недовольных внутриэкономической политикой государства и опасаящихся дальнейшего падения жизненного уровня.

Утрата государственными институтами власти доверия подданных создаёт угрозу «эпидемии» криминального мировоззрения. Страх бедности, осознание незащищённости перед экономическими проблемами и посягательствами на личность увеличивает удельный вес граждан, вовлечённых в теневую экономику и другие криминальные структуры. Подобные тенденции усиливаются несовершенством законодательства и недостатками правоприменительной деятельности.

Криминальные сообщества и преступники-одиночки посредством угроз вызывают страхи у потенциальных жертв для облегчения процесса достижения криминальных целей. Управители разных уровней власти посредством страха у подчинённых и подданных добиваются их покорности и дисциплинированности для решения задач структурного подразделения. Законодатель под страхом наказания запрещает гражданам одно поведение и предписывает другое. Религиозные и политические деятели запугивают паству и единомышленников ужасными последствиями бездействия (недостаточного служения Богу или партии).

Получая доступ к информации, население начинает анализировать противоречивые сообщения и определять предпочтения. Крамольные мысли в политическом подсознании не только не устраняются, а напротив, стимулируются силовыми приёмами, современной техникой, манипулятивными возможностями – всем тем, что использует современное государство для постепенной замены демократии глобально-олигархической властью.

Нередко страхи нагнетаются представителями СМИ при обнародовании непроверенных данных или преувеличении фактов относительно реальных или мнимых угроз личности,

обществу либо государству. Криминология массовых коммуникаций выделяет следующие криминогенные недуги современных СМИ: а) бездуховность и меркантильность; б) излишнюю насыщенность насилием; в) устрашение публики всеобщим и распространённостью преступности; г) манипулирование общественным мнением для осуществления не самой лучшей уголовной политики [3, с. 118-121].

Удивительно правдивой может казаться совершенно абсурдная информация, если её преподнести в нужный момент, используя фактор восприимчивости находящегося в хорошем настроении человека, сохранившего оптимизм, способствующий лучшему восприятию сомнительного влияния [4, с. 318-319]. Неясность, незавершённость и загадочность речи производят впечатление и внушают страх благодаря тому, что манипулятор недоговаривает мысль до конца. Этим часто пользуются влиятельные особы, демонстрируя скромность и избегая демонстрации своего благосостояния, чтобы не вызвать зависть, порождающую неприязнь [5, с. 85, 326].

Данные факторы проявляются на региональном уровне причинного комплекса преступности в особенностях конкретного субъекта Российской Федерации. К подобным особенностям относятся, в частности, плотность населения, развитость средств транспорта и объектов инфраструктуры, уровень занятости населения и дифференциация людей по имущественному признаку, показатели преступности и качество работы правоохранительных органов, масштабы коррупции и вопросы ценообразования. Недостатки в организации функционирования объектов жизнеобеспечения вызывают у людей обоснованные опасения, снижая доверие населения к органам власти и порождая представления о необязательности соблюдения нормативных предписаний.

На групповом уровне в различных элементах микросреды (семье и бытовом окружении вне семьи, учебном и трудовом коллективах) страхи нагнетаются распространением слухов в повседневном общении членов социальной группы. Причём опасности и угрозы, вызывающие страхи на более высоких уровнях причинного комплекса преступности, как правило преувеличиваются, усиливая своё негативное воздействие на сознание и поведение неустойчивых субъектов. Данное обстоятельство могут использовать и криминальные элементы, давно созревшие для нарушения закона и готовые использовать любые условия для совершения преступления, в том числе, виктимологические особенности напуганных потенциальных жертв преступления и возможности подбора соучастников.

Большинство участников преступных формирований воспринимает представителей общеуголовной преступности как угрозу обществу, а самих себя – как положительных его членов. Это связано с ориентацией на систему ценностей, принятых в современном обществе (но их смысл искажён в понимании таких представителей). От

них не требуется абстрагирование от правовых запретов, жестокость и безжалостность. С учётом высокого уровня специализации некоторые члены сообщества могут быть мягкими и безвольными, не с низким уровнем образованности и культуры. Но в «аппарате принуждения» требуются жестокость и эмоциональная тупость. Страх наказания за нарушение традиций преступного мира и его иерархических отношений оказывается более действенным, чем угроза уголовного наказания.

Разрешив для себя принципиальный вопрос о допустимости причинения вреда личности, обществу, государству (своему или чужому), человек думает о том, какую выгоду он может извлечь из такого отношения к окружающим, в большей степени, чем о возможности для него неблагоприятных последствий такого отношения. Не вразумляют и не останавливают на пути криминализации сознания и поведения даже многочисленные примеры уголовной ответственности и жертв участников криминальных разборок.

Повседневное долговременное психологическое давление способен выдержать далеко не каждый. Поэтому известно, что в сферу преступной деятельности легче всего вовлекаются слабохарактерные люди, не уверенные в своих возможностях и находящие поддержку в формированиях себе подобных неудачников, неспособных уверенно и без страха добиться успеха в жизни законными способами. Страх безуспешности попыток добиться желаемого толкает неуверенных в себе людей в криминальную среду, в которой первые и последующие успехи убеждают в правильности выбора пока действует ощущение безнаказанности. Принятых и освоившихся в преступной среде субъектов уже начинает ужасать возможность стать честными людьми. У некоторых заключённых появляется даже страх перед завершением срока отбывания наказания, во время которого есть постоянный кров, регулярное питание и привычное общение.

В преступных формированиях страх становится популярным средством достижения незаконных целей по причине наблюдаемой населением безнаказанности жестокого обращения в семье, превентивных атак и акций, произвола властей. Эффективность устрашения объясняется острым желанием людей избежать угрозы и освободиться от тревоги, вызванной ею, то есть вынуждает действовать определённым образом, выгодным преступникам, которые стремятся поработить сознание и волю потенциальных жертв возможного насилия [6, с. 61].

Подобная тактика подчинения распространена не только при совершении насильственных преступлений. Так, совершение мошеннических действий требует навыков применения изощрённого обмана и злоупотребления доверием, следовательно, хорошего знания психологии потенциальных жертв. Легковерие значительной части населения используется преступниками для личного незаконного обогащения, ведь «в России

периодически верят то в царя, то в светлое будущее, верят предсказаниям астрологов, ворожей, экстрасенсов, знахарей» [7, с. 68]. Данный вид преступного поведения предполагает наличие и у самого субъекта особых психологических способностей, «дара убеждения» в несуществующих угрозах, событиях или фактах.

Одно из следствий постсоветской трансформации сознания – терпимое отношение к появлению и распространению новых преступных формирований. Подобная толерантность парализовала сопротивление потенциальных жертв, порождая страх перед преступниками, образ жизни которых уже не единодушно порицается общественным мнением. В конце XX века миллионы молодых россиян начинают восхищаться рэкетирами как смелыми героями, вызывающими страх сначала у предпринимателей, а затем и у представителей других сфер деятельности. Одни от страха трепещут и подчиняются, а другие наслаждаются страхом окружающих.

По мере роста преступности, безнаказанности преступных авторитетов и приобретения реальной власти на местах преступными группировками, в сознании населения нарастают страх перед криминалом, недоверие государству и его силам обеспечения безопасности личности. Население постепенно склоняется к более реальной близлежащей силе, отказываясь сотрудничать с правоохранительными органами при отсутствии надёжной и спасающей от страха программы защиты свидетелей.

На индивидуальном уровне причинного комплекса взаимодействие различных элементов структуры личности преступника между собой и с факторами окружающей действительности, учитывая поддержку и сопротивление других людей, может порождать далеко не всегда предсказуемые разновидности поведения, в том числе, общественно опасного. Криминологию и ряд других наук уголовно-правового цикла занимает стремление прогнозировать индивидуальное поведение в целях предотвращения нежелательных для общества последствий, а иногда и для защиты человека от самого себя, поскольку с точки зрения психологии, агрессия влечёт за собой страдания не только жертвы, но и агрессора. Но ощущение враждебности окружающих могут вызывать страхи, далеко не всегда обоснованные, зато побуждающие к агрессии.

Криминологи перечисляют основные факторы индивидуального уровня, препятствующие выработке иммунитета против нарушения правовых норм у значительной части россиян: индивидуализм, эгоцентризм, социофобия, игнорирование ценностей гражданской солидарности, связанных с общественным долгом и служением. Такие качества личности парализуют противодействие преступному поведению [8, с. 47].

Виктимологические факторы свидетельствуют о склонности конкретного человека стать жертвой преступления. Но уровень виктимности

отличается в зависимости от пола, возраста, физических и умственных способностей, темперамента и прочих факторов. Так, например, бытовые насильники пользуются ощущением безнаказанности, поскольку женщины не обращаются в полицию по одной из следующих причин: а) стыда огласки семейных проблем; б) чувства вины перед близкими; в) опасения, что ей не поверят мужчины-полицейские; г) склонности жертвы недооценивать тяжесть ситуации; д) сомнения в своей способности правильно выбрать спутника жизни и опасения остаться одной с детьми; е) страха перед конфликтами; ж) опасения, что всю ответственность спишут на неё же; з) пассивность; и) боязнь перемен; к) неумения защищать себя, принимать решения и отстаивать свои права л) страха мести мужа [6, с. 80].

В современном информационном пространстве достаточно сведений о том, что для женщин, пожилых людей и детей существует опасность нападения в безлюдных местах в вечернее и ночное время. У преступников, как и у животных, агрессия может усиливаться при обнаружении страха у потенциальной жертвы. А страх перед террористическим актом даже является основной целью преступников: важнее всех запугать, чем кого-то убить или что-либо разрушить [2, с. 15-25, 154].

Женщины не стесняются обнаруживать страх, считая его средством расположения к себе мужчины, обязанного защищать от опасностей, пусть даже и мнимых. Вместе с тем, у большинства народов принято стыдить детей за открытое выражение испуга, «а значит, вполне можно испугаться стыда за свой испуг» [6, с. 197]. Демонстрация робости не вполне отражает внутреннее состояние: мы видим страх, когда нечего бояться, и видим безалаберность, когда следует испытать страх для устранения условия нападения.

Провоцирующая роль женщины проявляется и вне семьи, когда она в сексуальной одежде появляется в безлюдном парке или употребляет алкоголь в гостях, лишая себя надежды на помощь или способности к сопротивлению. Даже обнародование или бытовое распространение сведений о том, что в городе появился маньяк-убийца, не всегда вызывает страх у потенциальных жертв насилия, чтобы выполнять профилактическую функцию. Несмотря на осведомлённость об опасности, люди пренебрегают предосторожностями, создавая проблемы правоохранительным органам в работе по нераскрытым тяжким преступлениям.

В зависимости от криминогенной ситуации и личностных особенностей её участников страх может укрощать или стимулировать зло. Виктимология свидетельствует о том, что склонность стать жертвой преступления может рождаться и на фоне положительных качеств жертвы. Вот лишь некоторые примеры:

- опасаясь обидеть торговцем отказом, покупатели становятся жертвой обмана продавцов;
- опасаясь негативной оценки окружающих, субъект принимает невыгодное предложение об

участии в ненужном и затратном мероприятии, поскольку их достоинство и самоощущение вызывают страх перед чужим мнением;

– боясь опозориться, робкий и стыдливый человек способен отказаться от оптимального варианта поведения, поскольку стыд разрушителен, неприятен и непереносим, он стимулирует возникновение страха, делает человека покорным и беззащитным [6, с. 108, 185-192].

Меры противодействия терроризму не влекут за собой ни обеспечение безопасности личности, ни уверенность людей в надёжности данных мер. Напротив, их демонстрация усиливает страх и создаёт неудобства населению, а взаимное противоборство террористов и властей, использование угрозы терроризма в политической игре обеими сторонами даёт и общий для них результат – живущее в страхе население. В некоторых случаях борьба с терроризмом несёт более ощутимую опасность, чем сам терроризм, поскольку легитимность этой борьбы основана на страхе.

Обнаружив эффективность от создания ложной угрозы терроризма, неоконсерваторы во власти сначала ограничили права человека под лозунгом обеспечения безопасности населения своей страны, а затем стали объявлять террористическими неугодные режимы, поддерживая и финансируя борьбу с несуществующими проявлениями терроризма на планете [9, с. 170-176]. Следовательно, те силы, которые используют страх в качестве средства манипулирования сознанием масс, отвлекают население от гораздо более насущных опасностей и проблем, возможно, из корыстных побуждений.

Если страх побуждает к предосторожности, то он играет роль антикриминогенного фактора, лишаящего преступника возможности воспользоваться неосмотрительностью и доверчивостью потерпевшего. В то же время, перестраховочный страх заставляет убежать робкого мужчину при криках о помощи вместо того, чтобы самому спугнуть преступника и спасти жертву нападения. Когда страх потерпевшего замечен преступнику, он может укрепить решимость совершить преступление, но безрассудная попытка дать отпор превосходящим силам может вызвать усиление агрессии и стать результатом потери жизни в ситуации, когда можно было обойтись материальным ущербом.

Преступность основана на чужом страхе. Если бы преступника не боялся потерпевший, то страх получить отпор парализовал бы решимость правонарушителя совершить общественно опасное деяние. Силам противодействия преступности необходимо учитывать в индивидуальном преступном поведении следующие побуждающие факторы страха: а) боязнь неблагоприятных последствий бездействия, лишаящая возможности достичь желаемого; б) угроза осуждения и наказания со стороны криминального окружения за недостаточно активное участие в преступной деятельности; в) опасения потенциальных потерпевших с высоким уровнем виктимности перед возможными преступными

посягательствами; г) неадекватная реакция на внешние мнимые угрозы жертв мошеннических действий.

С помощью страха противоправные намерения легко реализуются благодаря простоте и эффективности механизма запугивания. Сложные реакции, вызываемые страхом, используются преступниками путём шантажа и вымогательства. Устрашение – довольно-таки популярное средство достижения преступных целей.

Медицинскому и фармацевтическому бизнесу выгодно внушать населению страх перед болезнями, в том числе, несуществующими [10, с. 69]. И это одна из причин запугивания возможными заболеваниями: при первых незначительных ухудшениях самочувствия мнительный человек обращается к врачам, у каждого из которых может оказаться свой диагноз. Из перестраховки или по рекомендации врачей такой пациент начинает употреблять лекарства, которые оказываются бесполезными или даже вредными для здоровья. Кому-то выгодно, чтобы люди болели и умирали – таково современное лицо фармацевтики, медицины, похоронного дела. В подобных случаях врачи действуют подобно мошенникам, если осознают неэффективность лечения и преследуют какую-то личную или корпоративную выгоду.

Боязнь бедности подталкивает не только медиков к вымогательству непредусмотренного законом вознаграждения. Коррупция распространена во многих сферах государственной деятельности. Профилактическое действие страха перед уголовным наказанием за злоупотребления служебным положением и получение взяток подавляется страхом перед материальным неблагополучием и нереспектабельностью.

Перешагнув через свою совесть, взяточник уже не может остановиться перед соблазном постоянного обогащения в порочной системе всеобщего коррумпирования государственного аппарата, в котором остаётся всё меньше места чести, благородству, любви к ближнему. Носители этих качеств ощущают себя изгоями сначала в сфере государственной и муниципальной службы, а затем и безнравственного общества в целом, если из страха перед порочным окружением не сдадутся пороку и силам вселенского зла. Доминирующий мотив алчности со временем всё более подавляет чувства меры, самосохранения, сострадания, предвидения очевидных неблагоприятных последствий своего противозаконного безнравственного поведения.

Процесс формирования антиобщественного сознания у человека начинается в момент его размышлений о своей роли в социуме и в ту секунду, когда он впервые предположил возможность противопоставления своих интересов интересам общества. Данный мировоззренческий принцип ведёт по жизни тех общественных и государственных деятелей, которые считают справедливым незаконное распределение общественных благ, используя власть и деньги для

заботы о своём теле за счёт ухудшения условий жизни окружающих.

Для этого используются сначала устрашение и собственная физическая сила (для отнятия материальных благ у других детей в детском саду, в школе, на улице), затем – сила товарищей и авторитет родственников, а впоследствии – сила подчинённых им закона и вооружённых формирований. На каждом этапе формирования такой криминогенной личности аппетиты становятся всё больше, а общественная опасность данного мировоззрения – всё выше и ужаснее для окружающих.

Чувства самосохранения, заботы о близких, о собственном здоровье, о светлом будущем у эгоистичной личности подавляются страхом, стремлением к наживе, унижению слабых, употреблению одурманивающих веществ, прелюбодеянию, чревоугодию, тщеславию. Понятно, что целесообразность общественно полезной деятельности уже давно подавлена в сознании подобного эгоиста, и как следствие – утрата понимания пользы и вреда для собственного организма.

Преступник воздействует на волю потерпевшего более результативно, вызывая страх перед угрозой насилия [6, с. 64], а не самим насилием, которое может активизировать волю к сопротивлению, поскольку возможности нападающего уже очевидны и отсутствует пугающее действие неизвестности. На боксёрском ринге также используются средства устрашения противника угрожающими мимикой и жестикulyацией, чтобы парализовать волю к сопротивлению, а при физическом контакте может оказаться, что угрожавший соперник не столь силен.

В общеуголовной преступности, особенно в насильственной, личный опыт десоциализированной личности подсказывает вариант решения поставленной задачи, связанной с подавлением воли потерпевшего. Личные опасения и страхи дают возможность понять и использовать собственные ощущения для формирования угрожающей картины в сознании потенциальной жертвы.

Посторонний шум, чужие гнев и ярость сначала беспокоят уравновешенных людей, а затем – пугают; тревогу сменяет страх перед угрозой неприятностей. Вспыльчивый человек использует данное обстоятельство для достижения преступного результата. Успех воздействия на потерпевших подобного поведения закрепляет в сознании преступника эффективность использования агрессии.

Если человек намеренно преступил закон, значит в его сознании не выработался иммунитет против нарушения правил и требований социума, страх перед осуждением последнего. Последующие сожаления о содеянном могут быть вызваны неблагоприятными последствиями и лишениями, сочувствием к себе самому по поводу отбывания назначенного наказания. Но при

рецидиве преступлений страх наказания оказывается уже не столь эффективным профилактическим фактором, как перед первой судимостью, поскольку отсутствуют опасения перед неизвестностью условий тюрьмы.

В качестве средства профилактики страх может возыметь большее действие, если обнаружены возможные последствия угрозы. Когда пациент с явной психической патологией убивает врача, страх не охватывает всё медицинское сообщество, пока не получил широкое распространение, в том числе, посредством СМИ. После этого многие врачи склонны заявлять, что на работе не чувствуют себя в безопасности [2, с. 100]. Но тогда они будут внимательнее и осторожнее, а это спасёт им жизнь.

Свободы – это возможность жизнедеятельности без ограничения интересов других лиц: «ваше право курить распространяется до того места, где начинается мой нос». Игнорируя дан-

ное правило, можно натолкнуться сразу на несколько устрашающих и сдерживающих факторов: а) на серьёзное противодействие человека, чьи интересы вами ущемлены; б) закона, запрещающего подобное ущемление; в) общества, осуждающего предосудительное поведение.

Ожидание неблагоприятных последствий вызывает страх и удерживает большинство людей от причинения вреда кому-либо. Очевидно профилактическое влияние страха в подобных случаях, а без данного влияния в мире было бы гораздо больше зла, в том числе, преступлений. Между тем, отрицательных последствий страха на психическое здоровье людей гораздо больше, чем положительных: так уж устроен мир, что в любом явлении действительности не проявляются исключительно положительные или отрицательные характеристики. Данное обстоятельство учитывается и современной наукой, изучающей преступное поведение.

Список литературы

1. Щукин Я. Манипуляция общественным сознанием. М.: Наше завтра, 2022. – 300 с.
2. Свендсен Л. Философия страха /Пер. с норв. Н. Шинкаренко. М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.
3. Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 224 с.
4. Монтелл А. Сила культа. Что делает человека фанатиком и как этого избежать /Пер. с англ. М. Табенкина. М: Эксмо, 2023. – 352 с.
5. Грин Р. 48 законов власти /Пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. М.: РИПОЛ классик, 2025. – 768 с.
6. Марина Х.А. Анатомия страха /Пер с исп. М. Киеня. М.: Астрель: CORPUS. 2011. – 384 с.

7. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. – 288 с.

8. Лавренко А.В., Сморгунюва В.Ю. Искоренение коррупции как системная задача современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). – С. 45-47.

9. Грачёва Т.В. Проект «Демократия»: право на убийство. Тайные алгоритмы мирового господства. М.: Концептуал, 2024. – 544 с.

10. Качай И.С., Федоренко П.А. Спокойствие, только спокойствие! Как контролировать нервы, эмоции и настроение. М.: АСТ, 2021. – 352 с.

Поступила в редакцию 08.01.2026

Сведения об авторе:

Касторский Геннадий Львович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор, e-mail: mihail.kastorskii@mail.

Электронный научно-практический журнал "Бюллетень инновационных технологий" (ISSN 2520–2839) является сетевым средством массовой информации
регистрационный номер Эл № ФС77-73203
по вопросам публикации в Журнале обращайтесь по адресу bitjournal@yandex.ru